

Бай Сяньчэню Линь Цзин показался каким-то странным.

Сам Бай Сяньчэнь был очень рад, узнав, что прошел первое испытание, едва вписавшись в проходной балл. Но на обратном пути к жилищу Линь Цзин внезапно выскочил из-за угла, горя желанием поздравить его с заранее известной новостью, однако улыбка на его лице застыла спустя мгновение.

Линь Цзин в упор уставился на Бай Сяньчэня, а затем, словно увидел привидение, бросился наутек.

Бай Сяньчэнь испугался, что с его маскировкой что-то не так, и какое-то время пребывал в тревоге, пока Линь Цзин не вернулся, осторожно спрашивая:

— Ван Кэ, неужели я ослеп? Почему мне кажется, что ты с каждым днем становишься все краше?

Бай Сяньчэнь не знал, что на это ответить, и благоразумно выбрал молчание.

Раньше Линь Цзин всегда ходил с Бай Сяньчэнем в обнимку, но сегодня, то ли из-за нечистой совести, то ли еще почему, вел себя куда скромнее. Весь путь он не смел прикоснуться к Бай Сяньчэню и лишь твердил на ходу:

— Раз уж ты прошел первое испытание, может, не пойдешь на следующее, в Зеркало Десяти Тысяч Образов? Все равно то, что ты прошел первый тур – уже очень круто, старейшина Старец Ста Трав наверняка найдет тебе какую-нибудь другую работу.

Для культиваторов алхимии испытание в Зеркале Десяти Тысяч Образов было относительно мягким. Это не походило на проверку культиваторов меча, которым приходилось сражаться в иллюзорных мирах с лютыми зверями и демоническими тварями, меряясь силой, и не напоминало испытание талисманистов, запертых в зловещих массивах, полных скверны, где побеждал тот, кто первым найдет выход.

Задание для алхимиков было лишь немногим сложнее, чем у прорицателей: нужно было найти в иллюзорном мире ингредиенты для пилюль, а в последний день изготовить саму пилюлю в находящейся там печи. Результат оценивался по качеству получившегося снадобья.

Однако в иллюзорном мире таились опасности: ингредиенты могли мутировать, а другие участники могли пойти на открытый грабеж, так что в итоге все равно все сводилось к проверке боевых навыков.

Линь Цзин в смятении добавил:

— Ты ведь занял последнее место в первом испытании. Стоит остальным разведать это, и все поймут, что ты не особо силен. Что ты будешь делать, если они объединятся и нападут на тебя толпой?

У каждого старейшины были свои предпочтения, о которых они не распространялись.

В правилах зияли дыры, которыми каждый мог воспользоваться: союзы и грабежи не запрещались.

Например, старейшина Громовой Молот любил находчивых учеников – он уделял больше внимания тем, кто умел кооперироваться или отнимать чужое. Но Старец Ста Трав был другим:

он предпочитал честных, послушных и неконфликтных ребят.

Однако мало кто знал о вкусах Старца Ста Трав. В экстремальных условиях люди готовы на всё ради достижения цели, и большинство учеников не гнушались грабежом, чтобы сэкономить силы.

В свое время Линь Цзин проходил испытание для мечников и, даже считая себя сильным бойцом, натерпелся всякого. Он и представить не мог, сколько тумачков достанется Ван Кэ, если тот решится войти в Зеркало.

Бай Сяньчэнь отделался от Линь Цзина какой-то отговоркой.

Он определенно собирался участвовать в следующем этапе. Ему нужно было дотянуть хотя бы до уровня внутреннего ученика, чтобы получить новое «удостоверение личности».

Но перед входом в Зеркало Десяти Тысяч Образов у Бай Сяньчэня было еще одно дело, в котором ему требовалась помощь Линь Цзина.

Когда Линь Цзин, следуя поручению, снова пришел к Старцу Ста Трав, тот как раз обсуждал с Се Уцзю план испытания в Зеркале.

Увидев Линь Цзина, старейшина почувствовал, как заныла голова, и прикрыл лицо рукой, не желая даже смотреть на него.

Линь Цзин замахал руками:

— Я только спросить об одном деле и сразу уйду! Тут такое... у одного моего друга... в общем, он случайно вынес из иллюзорного мира цветок. Этот цветок, кажется, и есть хозяин того мира. Мой друг обнаружил, что цветок какой-то странный, насылает на него кошмары. И вот он хочет узнать, как вернуть этот цветок обратно в иллюзорный мир?

Договорив, Линь Цзин почувствовал, что в комнате резко похолодало, и поежился, кутаясь в рукава.

Старец Ста Трав, часто имевший дело с иллюзорными мирами, после этих слов помрачнел:

— Кто это?

Линь Цзин уперся:

— Просто друг!

Старейшина вздохнул: — ...Передай своему другу, что нужно как можно быстрее уничтожить все, что было вынесено из иллюзорного мира. Все вещи оттуда несут в себе скверну, их нельзя просто так забирать. Тем более если это хозяин иллюзии – это еще опаснее.

Сказав это, Старец Ста Трав и сам почувствовал холод и начал кутаться в рукава вслед за Линь Цзином.

Линь Цзин медленно покачал головой:

— Не получится. Мой друг говорит, что цветок относится к нему неплохо, и это он сам виноват перед цветком. Он хочет вернуть его по-хорошему, не повредив корней...

Как только Линь Цзин это произнес, ему показалось, что стужа немного отступила.

Старец Ста Трав всегда любил милосердных и человечных учеников, поэтому, услышав Линь Цзина, вновь заинтересовался:

— Способ есть. Ну-ка скажи мне, что это за ученик? Раз у него с цветком хорошие отношения, значит, тот пока не причинит ему вреда. Сейчас я занят, но как только испытание в Зеркале закончится, я могу заняться этим лично.

Глаза Линь Цзина загорелись:

— Правда? Да это никто иной, как Ван Кэ!

Слыша сегодня имя Ван Кэ из уст Линь Цзина уже в который раз, Старец Ста Трав лишь с улыбкой покачал головой:

— И когда вы успели так сблизиться? Ладно, я понял. Можешь идти.

Линь Цзин уже собрался уходить, когда старейшина окликнул его:

— Если я не ошибаюсь, этот цветок должен быть разумным. Когда будете обсуждать его возвращение, следите за тем, чтобы он не услышал, и не вздумайте его злить, иначе сделаете только хуже.

Линь Цзин поспешно пообещал исполнить всё и в приподнятом настроении ушел.

Старец Ста Трав посмотрел ему вслед, покачал головой и небрежно заметил в разговоре с Се Уцзю:

— Нынешние ученики совсем страх потеряли, тащат что попало... даже цветы из иллюзорных миров воруют. Не каждый ведь цветок столь разумен, как вы, глава секты.

Слова старейшины были искренним замечанием, а не лестью – он практически видел, как Се Уцзю рос.

У юных учеников в свободное время были самые разные развлечения, и у Се Уцзю в юности они тоже были весьма своеобразными – он любил принимать истинный облик и греться на солнышке. Но при этом он плохо переносил жару, поэтому просил у Старца Ста Трав пилули для охлаждения.

Старейшина не стал пичкать его лекарствами, а сделал для него уникальный горшок – в нем не было земли, лишь редкий лед и снег с горы Тайчу.

Великий Мастер запрещал баловать Се Уцзю в любой форме, а также дарить ему «подарки и сюрпризы». Но Старец Ста Трав ослушался и втихомолку поставил горшок на подоконник в покоях Се Уцзю.

С тех пор в погожие солнечные дни каждый, кто проходил мимо жилища Се Уцзю, мог видеть на окне лотос ледяного сердца, который безмятежно и вальяжно раскачивался на ветру.

Пока другие ученики читали развлекательные книжки, узнавая о мире за пределами секты, или спускались с гор, чтобы вкусить жизнь, Се Уцзю просто грелся на солнце.

Когда снег в горшке начинал таять, Старец Ста Трав потихоньку приходил и менял его.

Так продолжалось много лет.

Лотос ледяного сердца наслаждался покоем вплоть до того года, когда Великий Мастер покинул этот мир. Се Уцзю унаследовал пост главы секты, мир погрузился в хаос, и перемены посыпались одна за другой.

Когда всё наконец утихло, Се Уцзю начал подражать Великому Мастеру, стараясь возвеличить секту Нефритового Небосвода.

Он прекрасно понимал, как должен вести себя человек в его статусе.

Горшок исчез, и безмятежному лотосу ледяного сердца больше не полагалось появляться.

Старец Ста Трав больше не видел истинного облика Се Уцзю.

Услышав рассказ Линь Цзина, он невольно предался воспоминаниям. Посмотрев с улыбкой на Се Уцзю, он вдруг почувствовал, что тот выглядит не очень-то счастливым.

Заметив холодную ауру вокруг главы секты, старейшина добродушно протянул руку, желая проверить его пульс:

— Вы все еще плохо регулируете температуру тела? Позвольте, я посмотрю?

Се Уцзю кивнул. Он доверял Старцу Ста Трав и уже по привычке протянул запястье.

Но на полпути он что-то вспомнил и резко отдернул руку.

— Сегодня не стоит, — отрезал Се Уцзю.

Однако Старец Ста Трав уже замер на месте, словно громом пораженный.

Он успел заметить на пальцах Се Уцзю свежие ожоги – это было не в новинку. Но вот что было странно: у самого основания большого пальца виднелся четкий, яркий след от зубов.

След от зубов... Укус?!

«Дело плохо», — пронеслось в голове старейшины.

Что же это за небожитель, способный оставить отметину на теле главы секты?

Старец Ста Трав мгновенно насторожился, решив во что бы то ни стало докопаться до истины, пока глава секты не заметил его подозрений.

На этот раз нужно было задушить дурные ростки в самой колыбели!

<http://bllate.org/book/19453/1908655>